

Анализ тенденций деиндустриализации в Турции в рамках международного сравнения

Айсу УЗСАЙЫЛЫР

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция
e-mail: aysukara@itu.edu.tr
ORCID: 0000-0003-3920-4062

Тюзин БАЙДЖАН

Стамбульский технический университет
Стамбул, Турция
e-mail: tbaycan@itu.edu.tr
ORCID: 0000-0001-6073-1188; ResearcherID: O-5347-2015

Аннотация. В работе деиндустриализация рассматривается в рамках межстранового сравнительного анализа, который позволяет объяснить тенденции деиндустриализации в отдельных странах, в частности в Турции. Согласно полученным результатам, деиндустриализация как явление, характерное для развитых стран, начавшееся на пике производительности труда в промышленности и вызвавшее рост сектора услуг, распространилась на развивающиеся страны после 1990-х годов, когда произошла глобальная реструктуризация труда на основе неолиберализма, что привело к индустриализации в одних развивающихся экономиках и деиндустриализации в других. Можно утверждать, что глобальные последствия деиндустриализации в развивающихся странах тесно связаны с экономической политикой, проводимой этими государствами до начала данного процесса. Например, отличительной особенностью Турции является быстрый переход от политики импортозамещения к свободной рыночной экономике при продолжающемся про-

Для цитирования: Узсайылыр А., Байджан Т. (2023). Анализ тенденций деиндустриализации в Турции в рамках международного сравнения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 4. С. 285–308. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.16

For citation: Uzsayılır A., Baycan T. Analysis of deindustrialization trends in Türkiye from an international comparative perspective. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(4), 285–308. DOI: 10.15838/esc.2023.4.88.16

мышленном развитии. Можно утверждать, что Турция вступила в процесс преждевременной деиндустриализации в сфере занятости вследствие прямого перехода от сельского хозяйства к сектору услуг и неспособности последнего предоставить рабочие места тем, кто ранее был занят в сельском хозяйстве и промышленности. Однако деиндустриализация может быть преодолена с помощью альтернативного социально-экономического и территориального планирования.

Ключевые слова: деиндустриализация, глобализация, политическая экономия, сравнительный анализ.

Введение

Цель исследования – проанализировать региональный характер деиндустриализации и выявить международные политико-экономические причинно-следственные связи, различные формы деиндустриализации в мире и тенденции деиндустриализации в Турции. Отправной точкой исследования послужил научный интерес к динамике феномена деиндустриализации, наблюдаемого в городах и часто понимаемого как трансформация городов. Каковы политико-экономические условия деиндустриализации, которая чаще всего оценивается в рамках конкретной территории, региона или сектора? Предполагается, что целостное исследование, включающее теоретические и эмпирические изыскания, сформирует базу для разработки мер по борьбе с деиндустриализацией. С этой целью в статье проведен обзор литературы и сформирован понятийный аппарат. Далее осуществлен сравнительный анализ занятости, изменений показателей ВВП и безработицы в отдельных странах.

Предполагается, что результаты исследования могут быть полезны специалистам в сфере социально-экономического и территориального планирования, особенно в развивающихся странах, и станут основой для разработки альтернативных моделей развития.

Деиндустриализация – это не только явление, связанное с переходом рабочей силы из промышленности в сферу услуг, но и глобальная реструктуризация рабочей силы в разных регионах. В ходе исследования раскрываются сильные и слабые стороны регионов в рамках реструктуризации, а также обращается внимание на главную проблему, заключающуюся в том, что при продолжающемся процессе индустриализации страны сталкиваются со свободной рыночной экономикой и международной конкуренцией. Эмпирический вклад исследования заключается в анализе международной

выборки с помощью показателей занятости и доходов, в классификации стран и объяснении полученных результатов на основе политико-экономических причинно-следственных связей и обзора литературы.

В работе использованы данные социальной и региональной науки, а деиндустриализация рассматривается с помощью теоретического и эмпирического анализа. Методология исследования включает качественные (теоретический анализ, изучение литературы, аналитический подход, анализ информации и данных) и количественные (эмпирический анализ, формирование международной выборки, сравнение, классификация и визуализация отраслевых данных о занятости и доходах) методы.

В некоторых работах деиндустриализация рассматривается с помощью различных показателей и шкал. Тем не менее для понимания исторических и международных политико-экономических условий деиндустриализации в целом, а также для объяснения специфики Турции по сравнению с другими странами необходимо целостное исследование.

В рамках классического подхода деиндустриализация считается неизбежным явлением, позитивным процессом, связанным с производительностью труда. Данная точка зрения отражает модернизационный подход, основанный на том, что все общества будут следовать одним и тем же линейным путем развития, а неравенство будет сбалансировано позже. В противовес ему критическая теория показала, что капиталистическое развитие зависит от взаимоотношений между центром и периферией, и выявила возможности независимого экономического развития.

Изменения исторического процесса охватывают длительные исторические периоды (Braudel, 2017 [1949]). Теория «центр – периферия», ставшая в 1960-х гг. основной научной

разработкой в исследованиях представителей Школы зависимости (Prebisch, 1950; Amin, 2018 [1988], Amin, 1991; Frank, 2010 [1998]), уходит на второй план перед лицом технологического развития и разнообразия современного глобализованного мира. В условиях сложности труда и трудовой деятельности научные парадигмы отходят от лежащей в их основе структурной динамики и контекста на феноменологическом уровне. Таким образом, главная задача исследования заключается в объяснении деиндустриализации в контексте исторического развития отношений «центр – периферия» и создании альтернативной основы для развития.

Как подчеркивается в работе, деиндустриализация – это не обычный процесс развития, а политически регулируемая глобальная экономическая трансформация. Для большинства развивающихся стран он подразумевает отказ от собственных динамических преимуществ. С другой стороны, можно утверждать, что деиндустриализация влечет за собой развитие и появление нового уровня организации труда для передовых западных экономик (Ryazanov, 2018).

Промышленный сектор рассматривается нами в качестве динамического сектора, как и в (Kaldor, 1966). П. Кругман (Krugman, 1991) исследует соотношение центра и периферии и ставит вопрос о том, почему промышленное развитие сосредоточено в нескольких регионах, относительно опережающих другие; Şenses (Şenses, 2004) изучает приостановку промышленного развития в Турции; Ryazanov (Ryazanov, 2018) называет «постиндустриальным нигилизмом» иллюзию о том, что сфера услуг заменит промышленное производство в усложняющейся структуре современного индустриального общества.

Мы ссылаемся на выводы исследований (Lorenzi, Verrebi, 2016) и (Ryazanov, 2018), посвященных изучению промышленного развития в развитых и развивающихся странах. Кроме того, учтены результаты исследований (Dasgupta, Singh, 2006) и (Rodrik, 2016) о «ранней деиндустриализации» в развивающихся странах, (Bakir et al., 2019) о тенденциях в Турции и (Doğruel, Doğruel, 2019) об изменениях в экономической политике после 1990 года.

Результаты международных сопоставлений, в соответствии с данными, представленными в литературе, выявляют взаимосвязь

деиндустриализации с глобальной реструктуризацией производства и труда; формируют представление о мобильности внутреннего капитала как о временном решении, порожденном новым регионализмом и трансформацией городов. В связи с этим в работе рассматриваются аргументы, выдвинутые (Bauman-Levent, 2005), (Keyder, 2014), (Doğruel, Doğruel, 2018) о перемещении промышленности из центра в периферию в рамках Концепции глобального города для г. Стамбула.

Концептуальная основа исследования

Определения деиндустриализации основаны на ранних исследованиях, отражающих неоклассическую экономическую мысль и объясняющих деиндустриализацию как обычный процесс развития. Согласно трехсекторной модели Кларка – Фишера (Clark, 1940; Fischer, 1939), структурные изменения и развитие экономики объясняются расширением от первичного сектора (сельское хозяйство) к вторичному (промышленность) и третичному (услуги) секторам. В этом случае деиндустриализация в самом общем виде означает резкое сокращение рабочей силы в промышленном секторе и быстрый рост рабочей силы в секторе услуг.

В 1960-х гг. исследователи также рассматривали деиндустриализацию в контексте экономического роста. Некоторые авторы разделяли новаторские взгляды 1940-х гг. и описывали ее как нормальный процесс (Rostow, 1959; Kuznets, 1973). С другой стороны, хотя промышленное производство является основным фактором экономического развития и роста сектора услуг, высказывались мнения о том, что спад производства замедлит экономическое развитие (Kaldor, 1966).

В период активной глобализации после 1980-х гг., когда выявились негативные последствия деиндустриализации в развитых странах и ее распространение в развивающихся странах, исследователи обратили внимание на связь деиндустриализации с международной торговлей и мобильностью капитала, ее региональный характер, положительные и отрицательные аспекты (Bluestone, 1984; Krugman, 1988; Krugman, 1991; Rowthorn, Ramaswamy, 1997; Kollmeyer, 2009a; Kollmeyer, 2009b; Lorenzi, Verrebi, 2016; Alderson, 1999; Rowthorn, Wells, 1987; Dasgupta, Singh, 2006; Rodrik, 2016; Ryazanov, 2018; Kornev, 2022).

Большое число исследований в Турции посвящено неолиберальной экономической политике, лежащей в основе деиндустриализации, различиям процесса деиндустриализации на международном уровне и ее влиянию на экономику (Kepenek, 1999; Şenses, 2004; Yeldan, 2006; Yeldan, 2011; Kolsuz, Yeldan, 2014; Yeldan, Yıldırım, 2015; Doğruel, Doğruel, 2019).

В работах, изучающих тенденции деиндустриализации, в основном внимание уделяется отраслевым и периодическим изменениям в соответствии с экономическими показателями. Некоторые исследователи утверждают, что в Турции началась ранняя деиндустриализация (Bakır et al., 2019; Köse, Dineri, 2020), другие — что тенденция деиндустриализации существует, но о ранней деиндустриализации говорить еще рано (Şıklar, Tonus, 2007; Öz, 2018; Yanıkkaya et al., 2019).

В работах, посвященных тенденциям деиндустриализации на региональном уровне, внимание акцентируется на изменении характеристик деиндустриализации в зависимости от регионов и периодов (Doğruel, Doğruel, 2018; Meçik, Aytun, 2018). В пространственных исследованиях на теоретическом уровне трансформация городов и деиндустриализация рассматриваются как параллельные процессы (Keyder, 2014). В работах, касающихся деиндустриализации на конкретных территориях, изучается мобильность промышленных объектов в масштабах города (Yücebaş, 2014; Kurşuncu, 2016; Ayık, 2018; Ayık, Avcı, 2018).

Как показывают результаты анализа замедления темпов экономического роста в Великобритании по сравнению с другими развитыми странами, проведенного Kaldor, существует положительная связь между темпами роста промышленного производства и темпами роста национального продукта. Например, фиксируется положительная связь между ростом производства и производительностью труда в обрабатывающей промышленности и других отраслях. Поэтому Kaldor определяет промышленный сектор как двигатель экономического роста и утверждает, что проблема Великобритании заключается в ее «ранней зрелости» по сравнению с другими развитыми экономиками, а ее промышленный сектор достиг пика развития, в связи с чем экономический рост замедлился (Kaldor, 1966). Kaldor объясняет деиндустриализацию

эффективностью промышленного производства, но, в отличие от Clark и его последователей, утверждает, что промышленный сектор продолжает оставаться динамичным.

П. Кругман, получивший Нобелевскую премию по экономике за работу над моделями торговли и локализации экономической деятельности, предложил новый взгляд на причины концентрации (агломерации) промышленной деятельности, основанный на неоклассической экономике и главным образом на работах (Marshall, 1890). Идеи Кругмана открыли для обсуждения проблемы соотношения центра и периферии, поставив вопрос о том, почему промышленное развитие концентрируется в нескольких регионах, оставляя другие регионы позади (Krugman, 1991).

В работе, проведенной в Турции (Şenses, 2004), подчеркивается, что наиболее острыми последствиями неолиберальной глобализации в слаборазвитых странах являются постепенное ослабление государства всеобщего благосостояния и выпадение индустриализации из повестки дня. Şenses утверждает, что формы деиндустриализации в странах ядра и периферии различны и будет ошибкой проводить аналогию между деиндустриализацией в развитых и развивающихся странах. Он также отметил уникальную ситуацию, когда индустриальные страны Восточной Азии развивались за счет государственного регулирования, а не свободного рынка (Şenses, 2004).

Lorenzi и Verrebi, исследуя тенденции международной деиндустриализации, обратили внимание на действие механизма переноса производства из развитых стран в развивающиеся и обнаружили, что во второй период глобализации после 1990-х гг. промышленная активность смещается в отдельные регионы гораздо более заметно, чем в 1970-е гг. Согласно полученным результатам, произошло быстрое перемещение страновой промышленной добавленной стоимости между развитыми и развивающимися странами по отношению к мировой промышленной добавленной стоимости. Резкое изменение мировой промышленной добавленной стоимости произошло в период с 1995 по 2005 год. По мнению Lorenzi и Verrebi, изменение промышленной активности в 1990-е гг. было исключительным. Все западные страны оказались вовлечены в процесс международного переноса

активности по отношению к развивающимся странам. Хотя центральное место занимал Китай, данный процесс затронул весь мир, включая страны, где перенос активности вообще не осуществлялся (Lorenzi, Bergebi, 2016).

Форма и последствия деиндустриализации различаются в развитых и развивающихся экономиках. Основным объяснением, определяющим деиндустриализацию в развивающихся странах, является тезис о «преждевременной деиндустриализации».

Dasgupta и Singh провели анализ преждевременной деиндустриализации по методике Калдора и выявили долгосрочные структурные тенденции в развивающихся странах. Так, в некоторых из них деиндустриализация началась при более низком уровне дохода на душу населения по сравнению с развитыми странами. Кроме того, в государствах как с медленными (например, Латинская Америка), так и с быстрыми темпами роста (например, Индия) наблюдается феномен «роста без рабочих мест» в формальном производственном секторе, т. е. роста, который не создает рабочих мест. Dasgupta и Singh утверждают, что в качестве исключительного случая сектор услуг в индийской экономике, особенно в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и смежных областях, может стать динамичной отраслью для экономического роста. В других развивающихся странах промышленное производство остается доминирующим сектором развития, поэтому деиндустриализация в них является негативным явлением (Dasgupta, Singh, 2006).

Rodrik определяет деиндустриализацию в развивающихся странах как «преждевременную». В отличие от исторической нормы, она происходит до того, как промышленное производство и доходы населения достигают достаточного и высокого уровня. В противовес индустриализации с ее положительными эффектами, такими как производство технологий и создание рабочих мест, преждевременная деиндустриализация оказывает негативное влияние на экономический рост. По мнению Rodrik, закономерности индустриализации-деиндустриализации в странах с развитой экономикой определяются ростом производительности труда, а в развивающихся странах более выражено влияние глобализации. Согласно двум важным

выводам автора происходит значительное перераспределение производства из богатых стран мира (особенно США и Европы) в Азию, особенно в Китай; также доля обрабатывающей промышленности в ВВП в различных регионах изменилась по-разному. Более того, как утверждает Rodrik, несмотря на положительные черты деиндустриализации в странах с развитой экономикой, эти страны (например, США) разрабатывают политику защиты от спада в промышленном секторе. С другой стороны, в менее развитых (например, в странах Африки южнее Сахары) и развивающихся (например, в государствах Латинской Америки) странах наблюдается ухудшение промышленной политики и деиндустриализация со всеми сопутствующими негативными аспектами (Rodrik, 2016).

Среди исследований, посвященных тенденциям деиндустриализации в Турции, можно выделить работу (Bakır et al., 2019). Анализируя материалы за 1998–2014 гг., авторы утверждают, что Турция вступила в процесс деиндустриализации, а сокращение объемов производства в текстильном и швейном секторах является основным отраслевым фактором. В исследовании обращается внимание как на триггерный, так и на ускоряющий эффект деиндустриализации, связанный с сокращением внутренней добавленной стоимости в результате быстрой интеграции Турции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В этом процессе резко возрастает зависимость производства и экспорта от импорта. Такая зависимость также влияет на снижение коэффициента внутренней добавленной стоимости и требует принятия эффективных мер. Bakır et al. отмечают, что в этом случае для Турции деиндустриализация не только преждевременна, но и может углубиться. Деиндустриализация Турции объясняется ее быстрым и ранним присоединением к инициативе «нового» международного разделения труда (Bakır et al., 2019).

Рассматривая периодические изменения, Doğruel и Doğruel исследовали экономическую политику после 1990 года и смену парадигмы после 2008 года. Соответственно, если раньше под деиндустриализацией понимались структурные изменения в развитых странах, обусловленные эндогенными факторами, то после 1990-х гг. на первый план стало выходить влияние глобализации. Финансовый кризис, воз-

никший в результате этого процесса, привел к смене парадигмы экономической политики государств в сторону протекционизма во внешней торговле после 2008 года и придал неопределенность процессу деиндустриализации как для развитых, так и для развивающихся стран (Doğruel, Doğruel, 2019).

В нашем исследовании рассматривается промышленная трансформация на международном уровне, однако результаты обзора литературы и анализа также дают представление о динамике этого процесса и на страновом уровне. Можно сказать, что деиндустриализация на национальном и международном уровне и возникновение глобальных городов, региональных кластеров и городов-регионов — это параллельные процессы.

Например, Baycan-Levent на примере Стамбула подчеркивает, что мегаполисы создают предпосылки для функционирования глобальной экономики, конкурируя с другими глобальными городами, при этом определяют условия и процессы развития окружающих регионов (Baycan-Levent, 2005). Аналогичным образом Keyder обращает внимание на взаимосвязь между глобальными городами и деиндустриализацией и подчеркивает, что использование концепции глобального города-региона может потребовать выхода за пределы провинциальных границ. Keyder говорит о том, что, когда в 1980-х гг. в Стамбуле начался процесс деиндустриализации, производство перемещалось не только в пределах провинциальных границ, но и в Чорлу, Гёзтепе, Измит и даже Бурсу (Keyder, 2014).

В связи с этим Doğruel и Doğruel говорят о деиндустриализации и периодически дифференцированной промышленной политике в Стамбуле, подчеркивая, что до 2000 года проводилась политика, ориентированная на децентрализацию промышленности из городской зоны, а после — на рост финансового сектора и сектора недвижимости в городе (Doğruel, Doğruel, 2018).

Другой важной темой, затрагиваемой в научной литературе, выступает реиндустриализация. П. Кругман (Krugman, 1988; Krugman, 1991) подчеркивает мобильность капитала и смену технологий при реиндустриализации, а также появление новых техноёмких направлений бизнеса, замещающих старые отрасли. Од-

нако он утверждает, что новые отрасли и сектор услуг не в состоянии поглотить рабочую силу, появляющуюся в результате деиндустриализации. Что касается России, Kornev (Kornev, 2022) отмечает, что новые отрасли должны поддерживаться государственными субсидиями в условиях деиндустриализации, возникшей при переходе к открытой экономике после советской эпохи.

Ryazanov критикует утверждение о том, что промышленность будет заменена сферой услуг. Вспоминая исторические условия, он подчеркивает, что как промышленность не заменила сельское хозяйство, а развила его, так и сфера услуг не заменит промышленность. По мнению автора, деиндустриализация приводит к негативным последствиям не только для западных, но и для западных капиталистических экономик, потому что после первоначального спада в текстильном и швейном секторах на более поздних этапах деиндустриализации началось снижение занятости в технологическом производстве. Ryazanov утверждает, что для реиндустриализации необходимо мобилизовать динамический потенциал. Специализация и развитие технологий будут зависеть от развития промышленного сектора для всех стран и их вовлечения в новые отрасли в рамках международного разделения труда (Ryazanov, 2018).

Как показывает обзор литературы, деиндустриализация тесно связана с глобализацией, международной мобильностью капитала и глобальной реструктуризацией труда. В разных регионах процесс и динамика деиндустриализации различаются. Если в развитых странах деиндустриализация — это процесс, связанный с производительностью труда, то в развивающихся странах на первый план выходит влияние глобализации. Международный перенос промышленной деятельности, который является одной из основных тенденций деиндустриализации, приводит к деиндустриализации в развитых странах. В результате в одних развивающихся странах происходит индустриализация, в других — деиндустриализация (по аналогии с развитыми странами). Таким образом, деиндустриализация как процесс требует рассмотрения в контексте регионов на международном уровне и демонстрирует различные тенденции в зависимости от регионов.

Сравнительный анализ тенденций деиндустриализации в Турции и других странах

Обзор литературы показал, что деиндустриализация является одним из этапов современного промышленного производства и связана с мобильностью капитала и международной торговлей. При деиндустриализации происходит реструктуризация производства и рабочей силы в международном и региональном масштабе на уровне страны. В связи с этим был проведен сравнительный анализ отраслевых изменений в отдельных странах с целью выявления международных тенденций деиндустриализации.

Принимая во внимание результаты исследований (Lorenzi, Verrebi, 2016; Ryazanov, 2018; Doğruel, Doğruel, 2019), мы анализировали период после 1990 года, когда в развивающихся странах стали наблюдаться кардинальные изменения. Временные рамки ограничены периодом до пандемии 2019 года. Сначала анализируются изменения в занятости и, соответственно, данные по ВВП и безработице.

При проведении сравнительного анализа страны были выбраны с учетом работ (Lorenzi,

Verrebi, 2016) и (Ryazanov, 2018), а также добавлены Турция и некоторые другие государства, входящие в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. В целом исследование охватывает 18 стран: 7 развитых (США, Япония, Франция, Германия, Великобритания, Канада, Италия) и 11 развивающихся (Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея, Мексика, Индонезия, Австралия, Турция, Гонконг, Сингапур и Россия).

Занятость по отраслям

Согласно изменениям отраслевой занятости за период 1991–2019 гг. (рис. 1) доля сельскохозяйственного сектора во всех рассматриваемых странах снизилась, а доля сектора услуг увеличилась. Доля занятости в промышленном секторе, напротив, различается по регионам. Это наглядно демонстрирует региональный характер деиндустриализации. Еще один момент, который следует подчеркнуть: хотя доля занятости в сельскохозяйственном секторе сократилась во всех странах, больше всего пострадали те, которые в начале деиндустриализации были преимущественно аграрными и все еще находятся в процессе индустриализации.

Рис. 1. Динамика занятости по отраслям в период 1991–2019 гг.

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Радикальных изменений в развитых странах не происходило с 1990-х гг. За этот период занятость в промышленности в них постепенно снизилась с 35–25% до 25–20%. Сельскохозяйственный сектор невелик, а промышленная рабочая сила поглощается в основном сферой услуг. Можно сказать, что деиндустриализация как явление развитых стран представляет собой структурную трансформацию, обусловленную капиталистической экономической политикой и международным переносом деятельности.

Согласно проведенному анализу, можно выделить три типа развивающихся стран. (1) Китай, Индонезия и Индия, относящиеся к первой группе, являются основными участниками международной торговли и переноса активности с Запада на Восток, процесс их индустриализации продолжается. (2) Вторая группа стран – Южная Корея, Россия, Гонконг, Сингапур и Австралия – имеет тенденцию к деиндустриализации. Эти государства, близкие к развитым скорее по глобальному влиянию, чем по эндогенно-структурным факторам, вступили в стадию деиндустриализации, демонстрируя при этом определенную степень промышленного развития; объемы сельскохозяйственного производства сокращаются меньше, чем промышленность, происходит отраслевой сдвиг от промышленности к сфере услуг. (3) В третьей группе – Турция, Бразилия и Мексика – наблюдается серьезный спад в сельскохозяйственном секторе и незначительное снижение занятости в промышленности, что можно назвать стагнацией. Несмотря на то, что эти страны были аграрными и находились в процессе индустриализации, они столкнулись с деиндустриализацией. Следовательно, сектор услуг должен был непосредственно поглощать рабочую силу, уходящую из сельского хозяйства.

Опять же, по аналогии с развитыми странами, в этих государствах не происходит радикального снижения занятости в промышленности, поскольку они вступили в процесс деиндустриализации в результате глобального воздействия, когда их промышленное развитие находилось на низком уровне.

В странах первой группы – Индии, Индонезии и Китае – деиндустриализация оказала эффект индустриализации, наблюдающийся в основном в период 2000–2012 гг. (табл. 1).

Среди них выделяется Китай, где в 2012 году доля занятых в промышленности и сфере услуг составляла около 30%. Затем занятость в промышленности стала снижаться, а занятость в сфере услуг – быстро расти вследствие снижения внешнего спроса с 2012 года, роста заработной платы на внутреннем рынке и замедления экономического роста из-за инфляции. Важным фактором является то, что высокая добавленная стоимость в промышленности привела к расширению сферы услуг за счет увеличения инвестиций в конкретные секторы. Можно сказать, что историко-политическая специфика Китая выступает важнейшим фактором, отличающим его от других стран своей группы на данном этапе трансформации.

Ко второй группе относятся деиндустриализованные Южная Корея, Россия, Гонконг, Сингапур и Австралия. В этих странах произошло резкое сокращение занятости в промышленности в целом. Когда в них началась деиндустриализация, промышленность была хорошо развита, а занятость в сельском хозяйстве была низкой, поэтому отраслевой переход происходит от промышленности к сфере услуг. Здесь доля занятости в промышленности значительно снизилась, особенно в период с 1990 по 2000 год (табл. 2).

Таблица 1. Доля занятых по отраслям экономики в странах первой группы, %

Год	Индия			Индонезия			Китай		
	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У
1991	63,32	15,18	21,50	55,51	15,19	29,31	59,70	21,40	18,90
2000	59,65	16,32	24,04	45,28	17,44	37,29	50,01	22,50	27,49
2012	47,00	24,36	28,64	35,93	21,07	43,00	33,60	30,30	36,10
2019	42,60	25,12	32,28	28,50	22,36	49,14	25,33	27,42	47,25

Примечание: С/Х – сельское хозяйство, П – промышленность, У – сфера услуг.
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Таблица 2. Доля занятых по отраслям экономики в странах второй группы, %

Год	Южная Корея			Россия			Гонконг			Сингапур			Австралия		
	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У
1991	14,61	36,82	48,57	14,24	39,96	45,80	0,81	34,89	64,30	0,28	35,16	64,56	5,36	23,51	71,14
2000	10,60	28,15	61,25	14,49	29,24	56,27	0,29	20,33	79,38	0,16	27,95	71,89	4,86	21,62	73,53
2012	6,13	24,58	69,29	7,33	27,81	64,86	0,21	12,36	87,43	0,10	20,54	79,36	2,80	20,71	76,49
2019	5,14	24,58	70,28	5,83	26,79	67,38	0,17	11,08	88,75	0,03	15,55	84,41	2,56	19,06	78,38

Примечание: С/Х – сельское хозяйство, П – промышленность, У – сфера услуг.
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Гонконг и Сингапур, пережившие в 1960-х гг. стремительную индустриализацию и получившие название «азиатские тигры», а также Австралия с 1990-х гг. стали превращаться в глобальные финансовые и транспортные центры Азиатско-Тихоокеанского региона. Они имеют схожие исторические и политические характеристики и, находясь долгое время в тесных отношениях с развитыми экономиками Запада, испытали влияние процессов индустриализации-деиндустриализации.

После Второй мировой войны Южная Корея быстро индустриализировалась, используя модель роста, ориентированную на экспорт. Смена правительства в 1987 году и азиатский кризис 1997 года послужили факторами перехода страны от планового развития к краткосрочным программам.

Среди стран второй группы Россия представляет собой особый случай; ее отличает исторический и политический характер индустриального развития. После распада Советского Союза в 1991 году Россия экспериментировала с моделями свободного рыночного и централизованного развития, стабилизировалась после крупного финансового кризиса 1998 года и стала ведущим экспортером сырья в 2000-х гг. На этом этапе китайско-российское сотрудничество приобрело особую актуальность (Zuenko, 2020). Историческая и полити-

ческая специфика двух стран, их приграничное соседство, а также сотрудничество в сфере спроса и предложения сырьевой и промышленной продукции стали главными движущими силами в развитии незападного вектора их отношений.

К третьей группе относятся страны, в которых наблюдается постепенный спад промышленного производства и значительное снижение занятости в сельском хозяйстве, откуда рабочая сила переходит в основном в сферу услуг. В период с 1991 по 2019 год в этих государствах не произошло существенных изменений, наблюдалось постепенное сокращение сельского хозяйства и промышленности и рост сферы услуг (табл. 3).

Относительно медленное снижение занятости в промышленности в этих государствах напоминает медленное снижение в развитых странах Запада, однако сходство обманчиво. Страны третьей группы вступили в стадию деиндустриализации, будучи еще недостаточно индустриализованными. Они представляют собой аграрные общества, еще не завершившие свое промышленное развитие, происходившее до деиндустриализации за счет политики импортозамещения; они осуществили быстрый переход к свободной рыночной экономике, реализовав программы международных валютных институтов. С 1990 года в этих странах

Таблица 3. Доля занятых по отраслям экономики в странах третьей группы, %

Год	Турция			Бразилия			Мексика		
	С/Х	П	У	С/Х	П	У	С/Х	П	У
1991	29,76	29,66	40,58	19,64	23,42	56,94	21,09	25,47	53,44
2000	27,30	27,62	45,08	16,49	21,84	61,68	17,41	27,07	55,53
2012	23,56	26,03	50,42	11,47	23,02	65,51	13,72	24,06	62,22
2019	18,11	25,32	56,57	9,08	19,99	70,94	12,48	25,55	61,97

Примечание: С/Х – сельское хозяйство, П – промышленность, У – сфера услуг.
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

наблюдается спад промышленности и относительный рост сферы услуг при радикальном сокращении сельскохозяйственного сектора. Следствием является, во-первых, проблема прямого перехода от сельского хозяйства к сфере услуг, во-вторых, невозможность достичь достаточного прироста из-за того, что развитие сферы услуг зависит от производительности труда в промышленности, что увеличивает разрыв между рабочей силой, высвобождаемой из сельского хозяйства, и рабочей силой, поглощаемой сферой услуг, т. е. приводит к росту безработицы.

Анализ глобальных изменений в сфере занятости показывает, что начиная с 1990-х гг. наблюдается значительный переток рабочей силы и специалистов из развитых стран Севера в страны Азии с формирующейся экономикой. Можно сказать, что государства, не входящие в эту биполярную систему, такие как Турция и страны Латинской Америки, подверглись деиндустриализации вследствие глобальной реструктуризации труда.

Турция вследствие влияния исторических и политических факторов отличается от других стран, входящих в третью группу. До деиндустриализации Турция имела опыт развития на основе экономической политики импортозамещения. Еще находясь на стадии индустриализации,

в 1980 году она быстро и резко перешла к свободной рыночной экономике, приняв ряд нормативных актов, известных как «Решения 24 января», и в условиях международной конкуренции промышленное производство Турции стало сокращаться.

В результате в первой и второй группе стран наблюдается взаимодействие между индустриализацией и деиндустриализацией, тогда как в третьей группе скорее фиксируется стагнация промышленного развития. Таким образом, не существует единой формы деиндустриализации, она выявляет различные причинно-следственные связи на региональном уровне, принимает различные формы, происходит в рамках планов развития и, соответственно, трансформируется. Можно сказать, что на формы деиндустриализации влияют такие факторы, как исторический контекст и экономическая политика, проводимая странами до деиндустриализации.

На основе обзора литературы период анализа в нашем исследовании был определен как период после 1990 года и до пандемии 2019 года, когда наблюдались радикальные изменения (рис. 2–7). В таблице 4 представлена информация о доле занятых в промышленности исследуемых стран, согласно последним доступным данным.

Таблица 4. Доля занятых в промышленности в период после пандемии COVID-19, %

Страна	2019	2022	2021
Австралия	19,06	18,70	
Бразилия	19,99	20,04	
Канада	19,25	19,20	
Китай	27,42		28,00*
Германия	27,18	26,90	
Франция	20,43	19,00	
Великобритания	18,12		18,00*
Индонезия	22,36	21,90	
Индия	25,12	26,10	
Италия	25,87	26,90	
Япония	24,22	23,20	
Южная Корея	24,58	24,30	
Мексика	25,55	24,60	
Турция	25,32		27,50
США	19,91	19,30	
Гонконг	11,08	12,40	
Сингапур	15,55		14,40
Россия	26,79		26,60

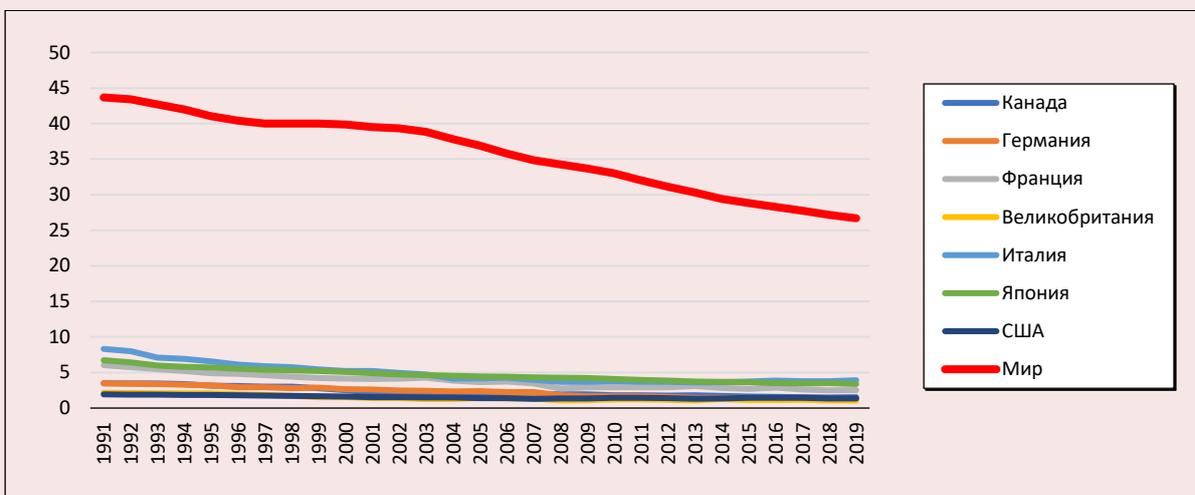
*Оценка.

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Можно отметить, что существенных изменений в показателях занятости по отраслям экономики после пандемии не произошло. Однако занятость в промышленности имеет тенденцию к росту среди развитых стран – в Италии, среди развивающихся стран в первой группе – в Китае и Индии, во второй группе – в Гонконге, в третьей группе – в Турции и Бразилии. За исключением Индии и Турции, все остальные исследуемые государства достигли

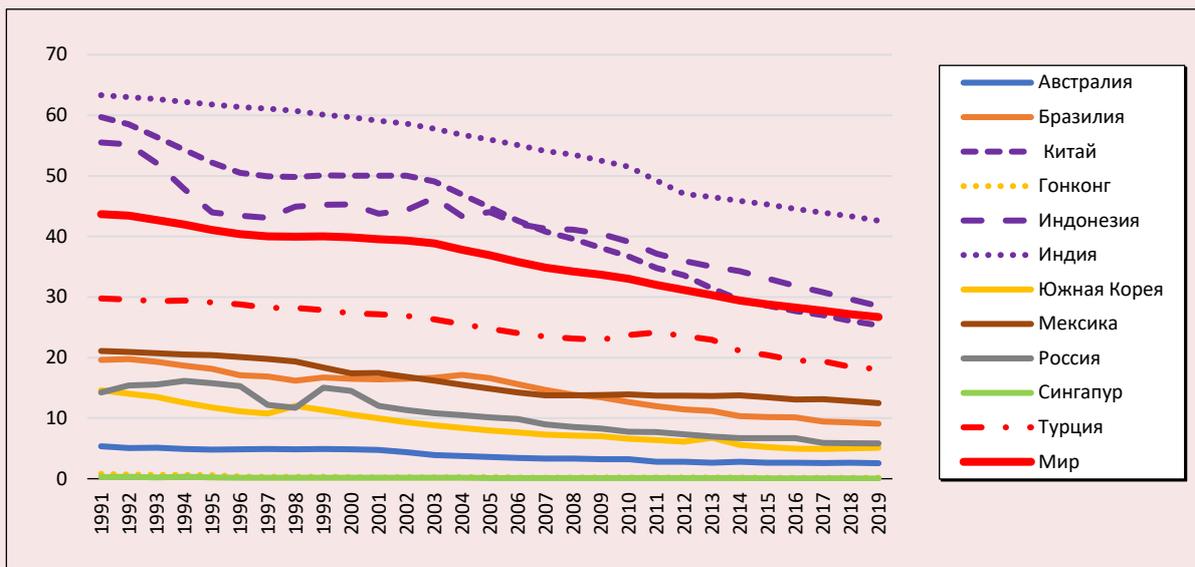
этих показателей до 2019 года. Для Индии показатель 26,10% в 2022 году является самым высоким с 1991 года. Турция же достигла показателя 27,50% и выше в период до 2000 года. Можно сказать, что объем промышленного производства в Турции увеличился в период пандемии, однако эти эффекты носят периодический характер, и при развитии производства следует оценивать региональный динамический потенциал.

Рис. 2. Доля занятых в сельском хозяйстве в развитых странах

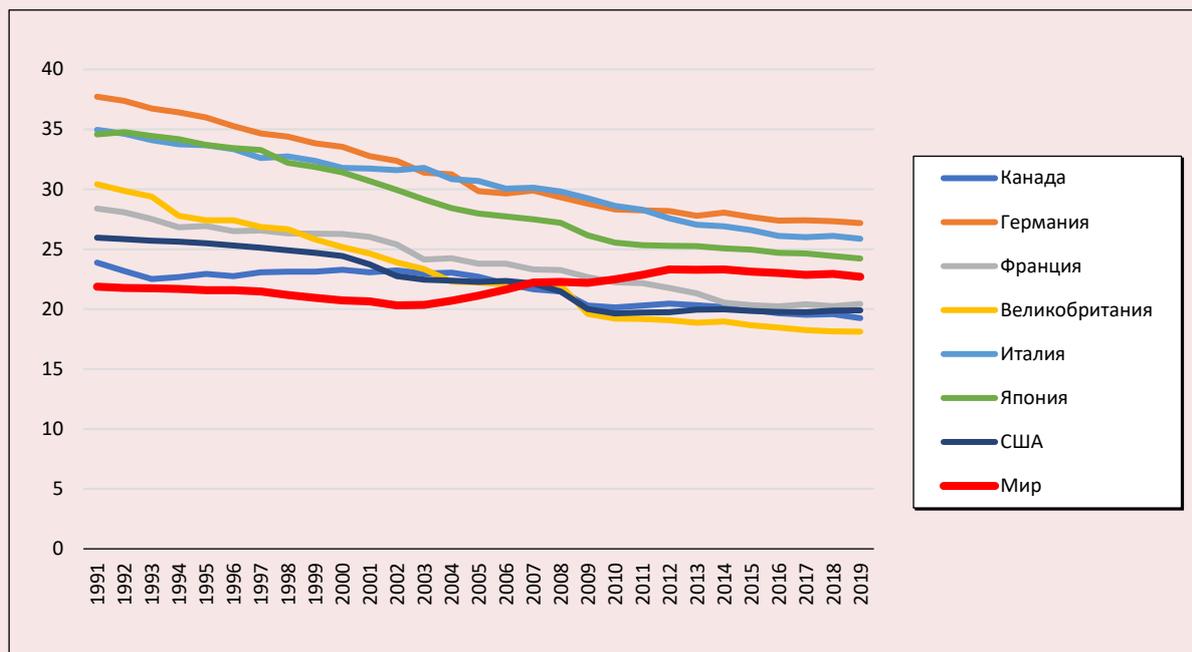
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 3. Доля занятых в сельском хозяйстве в развивающихся странах

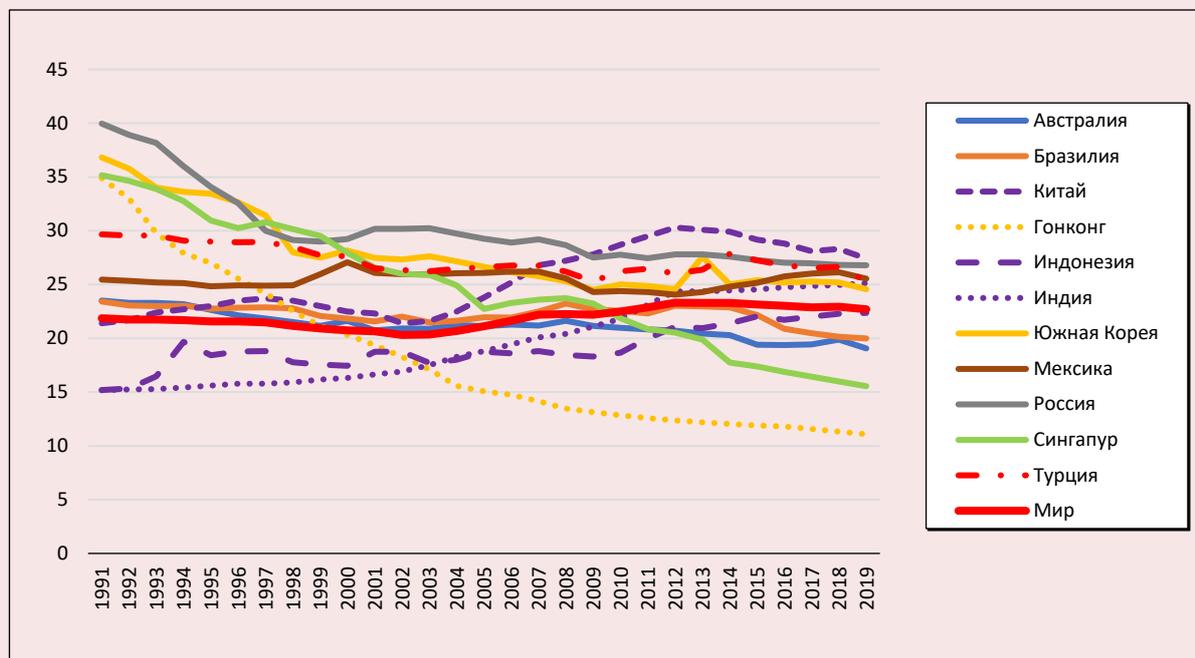
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 4. Доля занятых в промышленности в развитых странах

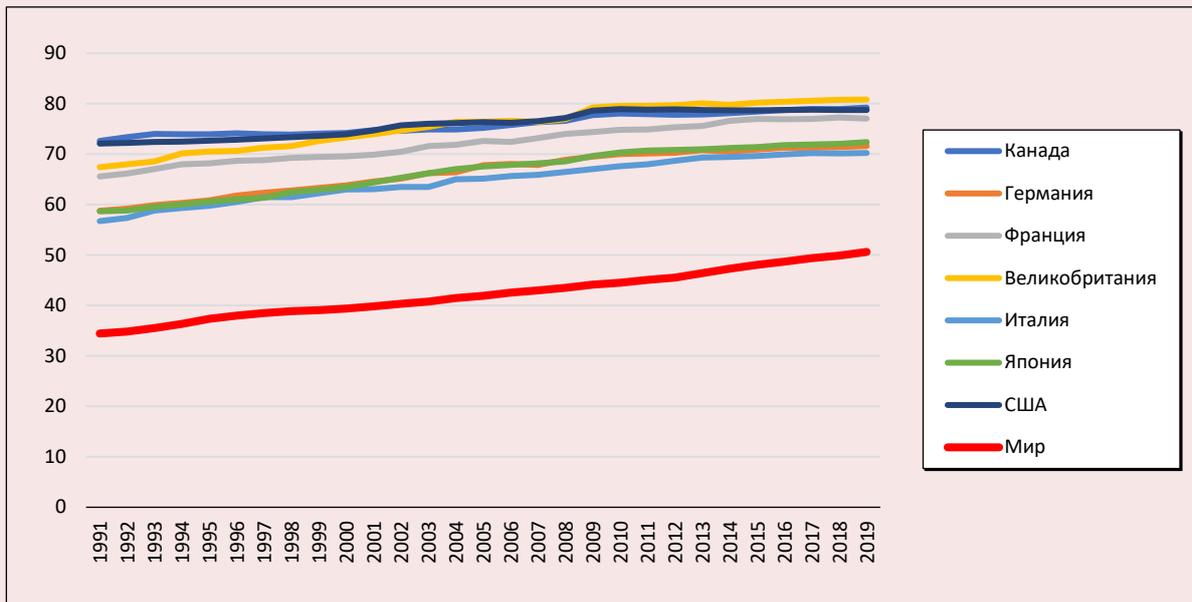
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 5. Доля занятых в промышленности в развивающихся странах

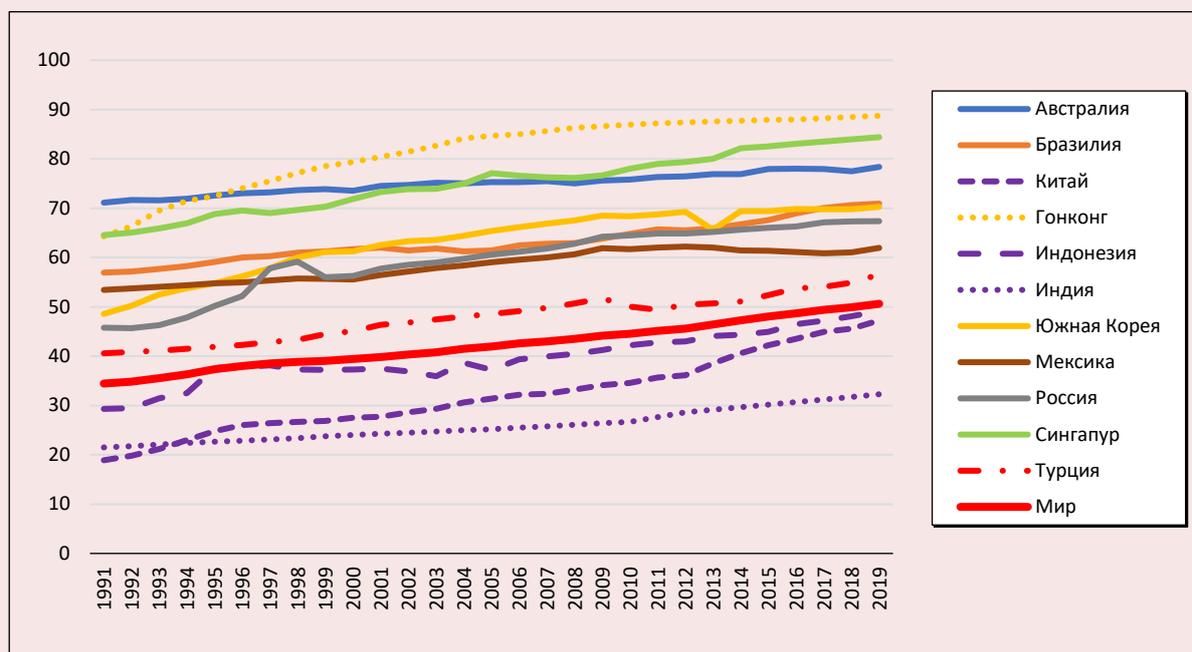
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 6. Доля занятых в сфере услуг в развитых странах

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 7. Доля занятых в сфере услуг в развивающихся странах

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); World Bank (<https://data worldbank.org/>); данные на 2023 год.

ВВП

Для более эффективного сравнения занятости по отраслям, в работе также рассматриваются показатели ВВП и безработицы. Согласно результатам анализа, доли совокупного мирового ВВП развитых и развивающихся стран изменились с 2010 года (рис. 8). Это согласуется с выводами, представленными в (Lorenzi, Verrebi, 2016), о том, что радикальные изменения в сфере занятости произошли в период с 1995 по 2005 год. Вместе с изменением доли занятых в промышленности менялись и доли совокупного ВВП. Примечательно, что доходы в промышленности начали трансформироваться в 1990-е гг. и сместились в 2010 году. Такой результат в группе развивающихся стран обусловлен переносом активности в экономики Китая, Индонезии и Индии и их быстрой индустриализацией.

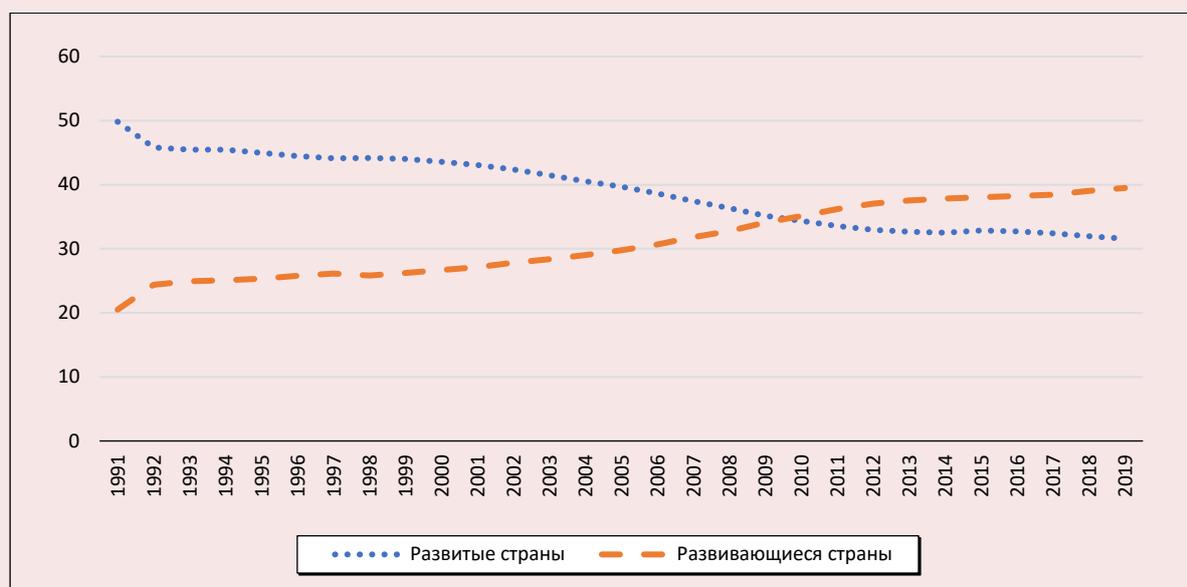
Что касается изменений по отраслям, можно отметить, что переход долей ВВП между отраслями в развитых странах осуществлялся до 1990-х гг. С другой стороны, значительные изменения в развивающихся странах произошли после 1990-х гг. (рис. 9–14).

Во всех развитых и деиндустриализованных странах доля сельского хозяйства в ВВП ниже

среднемирового уровня, а доля сферы услуг в ВВП – средняя или выше. Если в Германии доля промышленности в ВВП стабильно находится на среднемировом уровне, то в Японии и Канаде доходы промышленности, которые до 2010-х гг. были выше среднего уровня, в эти годы начали уменьшаться. Можно сказать, что Япония избежала снижения промышленного дохода, в то время как в Канаде оно продолжилось. Среди стран с развитой экономикой, где промышленный доход ниже среднемирового и продолжает падать, отметим США, Великобританию, Италию и Францию.

В развивающихся странах доля сельского хозяйства в ВВП в совокупном доходе резко сократилась в 1991–2000 гг. и продолжает уменьшаться. В Китае она снижалась на протяжении всего периода, а в Индии и Индонезии темпы роста сельскохозяйственных доходов замедлились после 2000-х гг. После 2008 года в этих странах наблюдалась стагнация доходов в промышленности и росли доходы в сфере услуг. Однако среди исследуемых государств они имеют самую высокую долю промышленности в ВВП и самую низкую долю сферы услуг в ВВП, превышающую среднемировой уровень.

Рис. 8. Доли мирового ВВП

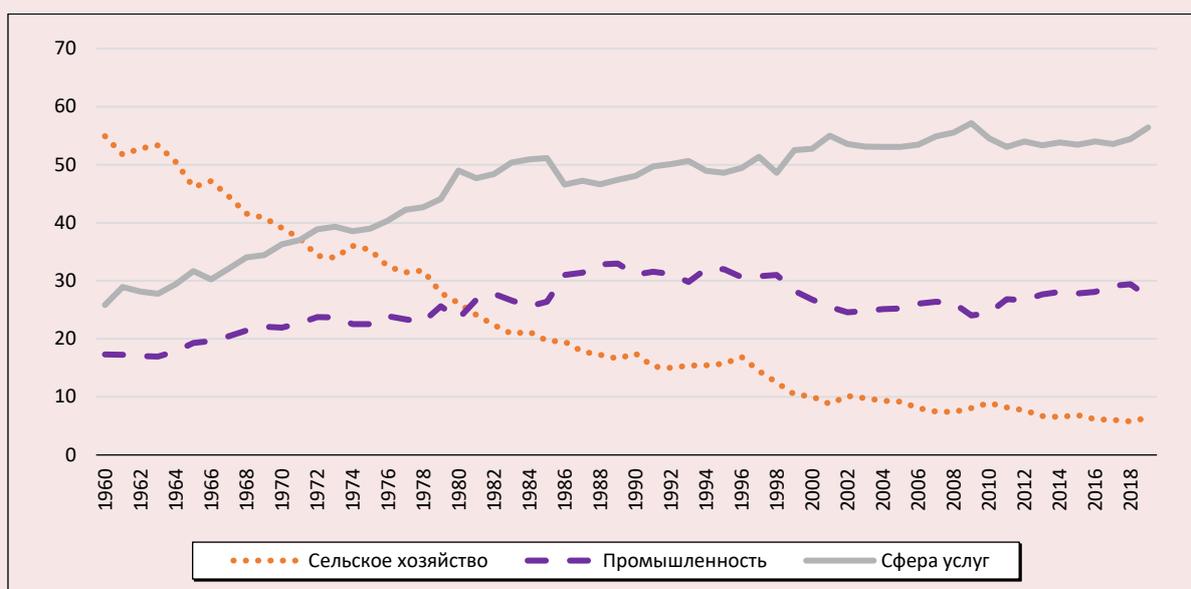

Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

В 1991 году Россия характеризовалась самой высокой долей доходов от промышленности среди незападных деиндустриализованных стран – 45,86%, которая затем резко снизилась до 34,53% в 1995 году. Второй резкий спад в России произошел в конце 1990-х – начале 2000-х гг. во время так называемого российско-го экономического кризиса или кризиса рубля. В Бразилии в 1991–1994 гг. наблюдалась тенденция роста доходов от промышленности, а в 1994–1995 гг. произошло их серьезное снижение. Доля промышленного дохода уменьшилась с 35,42% в 1994 году до 23,38% в 1995 году. До 2014 года доля доходов от промышленности оставалась относительно стабильной и составляла около 20%, но после этого наметилась тенденция к ее снижению. Доля доходов от сферы услуг в Бразилии достигла максимума в 1993 году, составив 73,33%, но в 1994 году резко снизилась до 56,89%. После открытия экономики для мировых рынков в 1989 году Бразилия столкнулась с гиперинфляцией. Хотя на некоторое время стране удалось решить проблему с помощью внутренней валютной политики, Бразилия не смогла продолжить ее из-за азиатского кризиса и кризиса рубля в России и в 1999 году приступила к реализации программы МВФ.

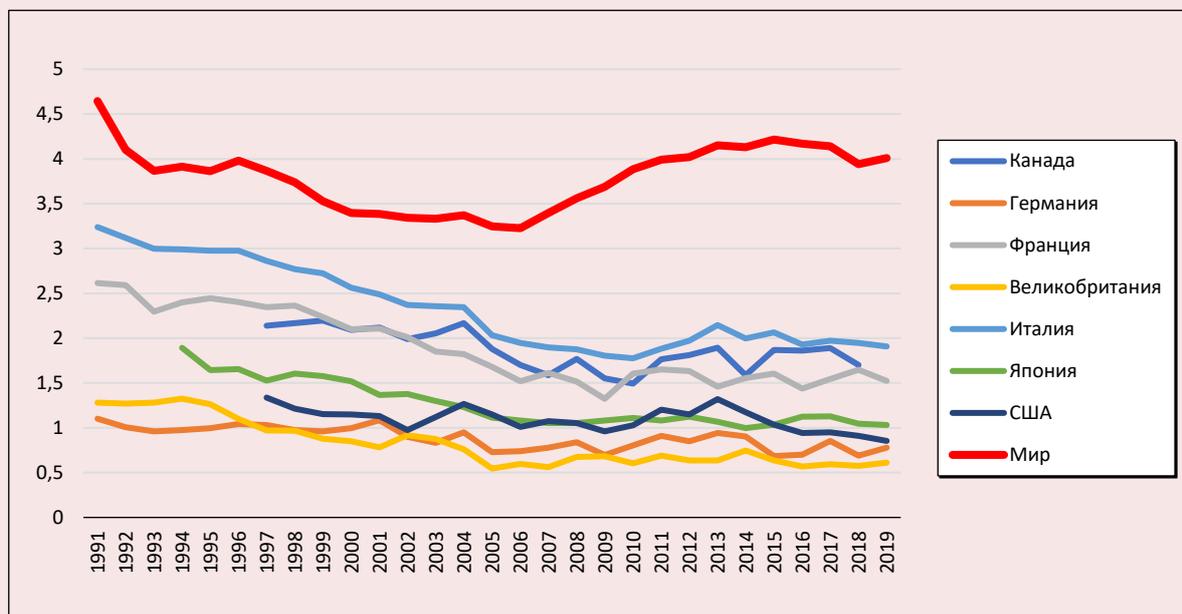
В 1989 году доля промышленности в ВВП Турции достигла самого высокого уровня с 1960 года – 32,97%. В период с 1986 по 1998 год доходы от промышленности колебались около 30%, в 1999 году снизились до 28,28%, а с 2000 года стабилизировались в диапазоне 28–26%. Можно сказать, что реализация Турцией программы МВФ в 1999 году и политика развития, основанная на трансформации промышленности в городских районах, являются неструктурной защитой от кризисов. Более резкое снижение доли доходов по сравнению с промышленностью произошло в аграрном секторе. Если в 1960 году доля сельскохозяйственного ВВП в общем объеме ВВП составляла 54,91%, то в период с 1960 по 1980 год она снизилась до 26,14%. Еще одно значительное снижение наблюдалось в период 1996–2000 гг.: доля сельскохозяйственного ВВП уменьшилась с 16,85% до 10,03%, а затем снизилась до 6,4% в 2019 году (рис. 15). Таким образом, можно говорить о деиндустриализации в сфере занятости в Турции, а также о стагнации по доходам в промышленности. Фактором, вызывающим негативные последствия, является радикальный спад в сельскохозяйственном секторе, а также перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в сферу услуг.

Рис. 9. Доли отраслей в ВВП Турции

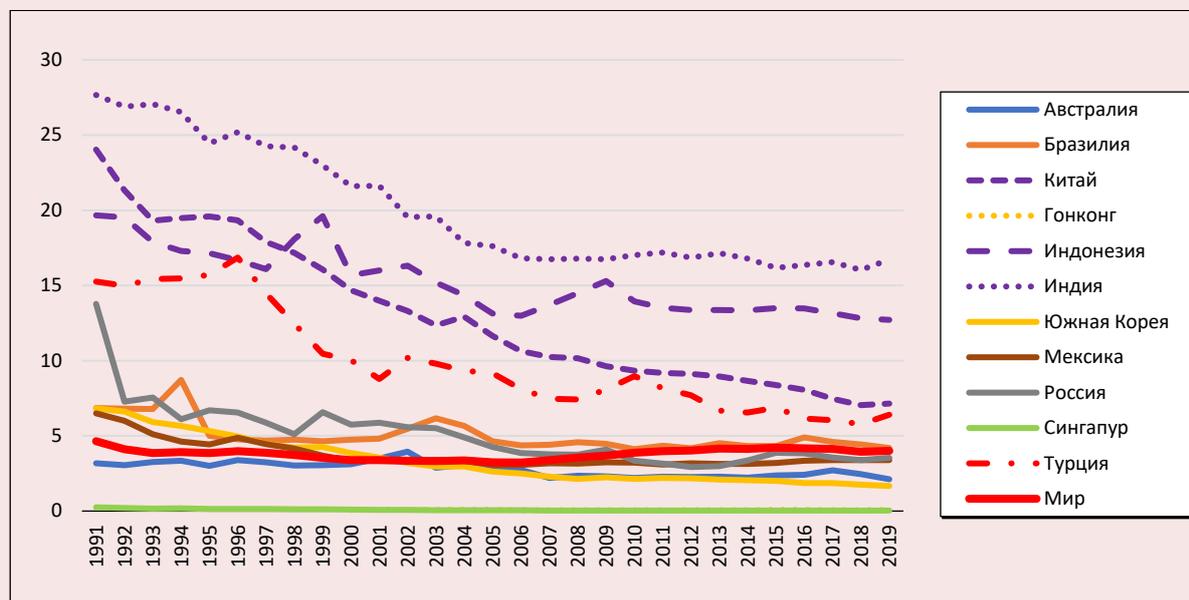
Составлено по: TURKSTAT (<https://data.tuik.gov.tr/>); World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 10. Доля сельского хозяйства в ВВП развитых стран

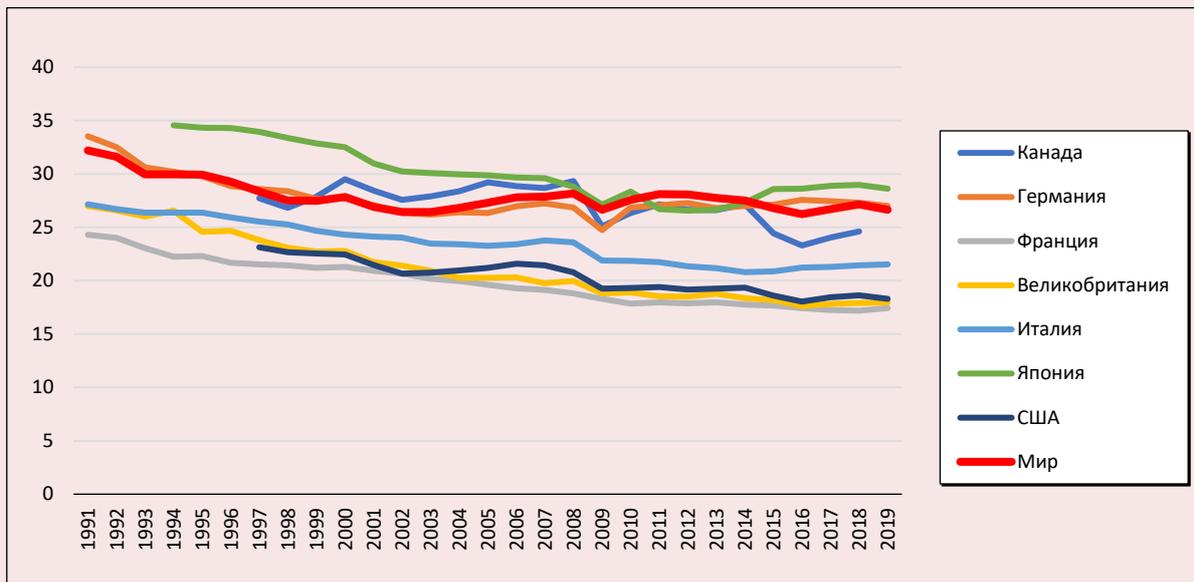
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 11. Доля сельского хозяйства в ВВП развивающихся стран

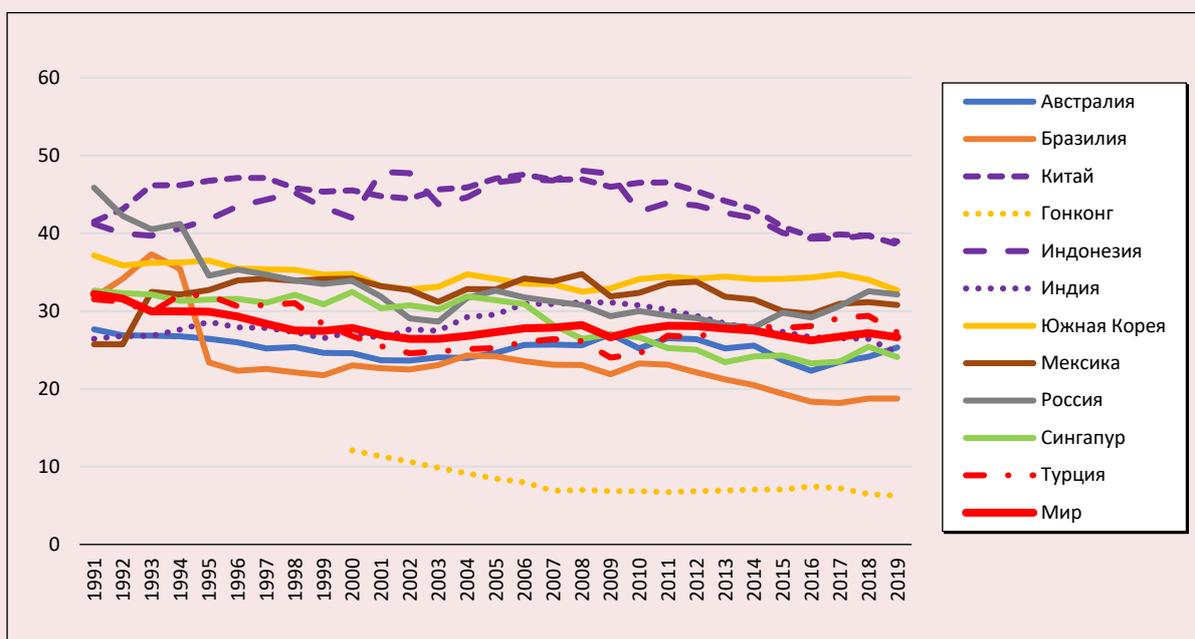
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 12. Доля промышленности в ВВП развитых стран

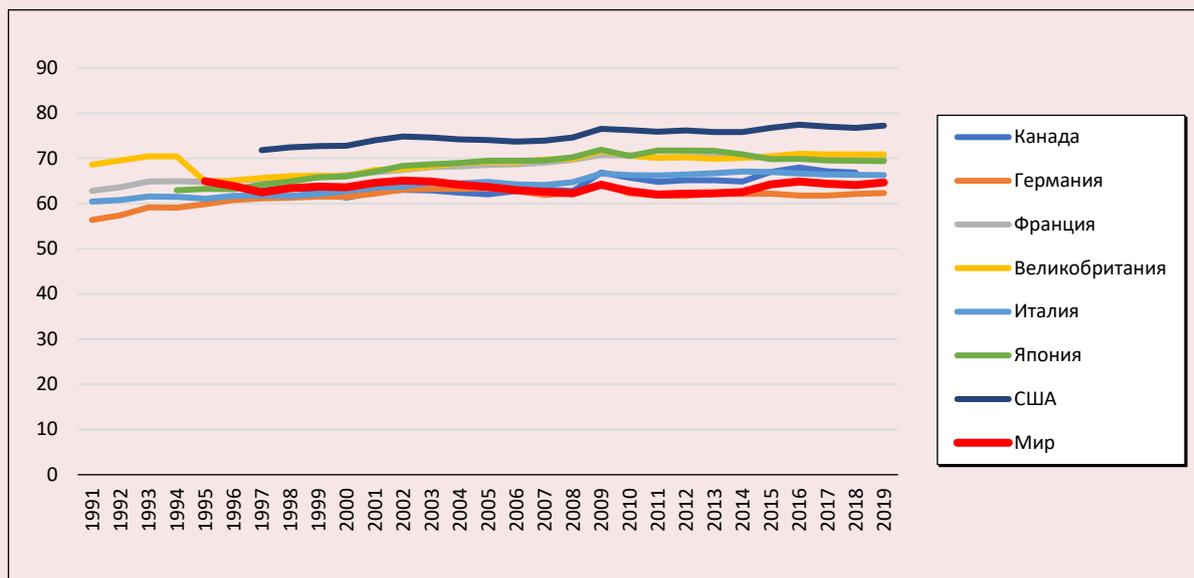
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 13. Доля промышленности в ВВП развивающихся стран

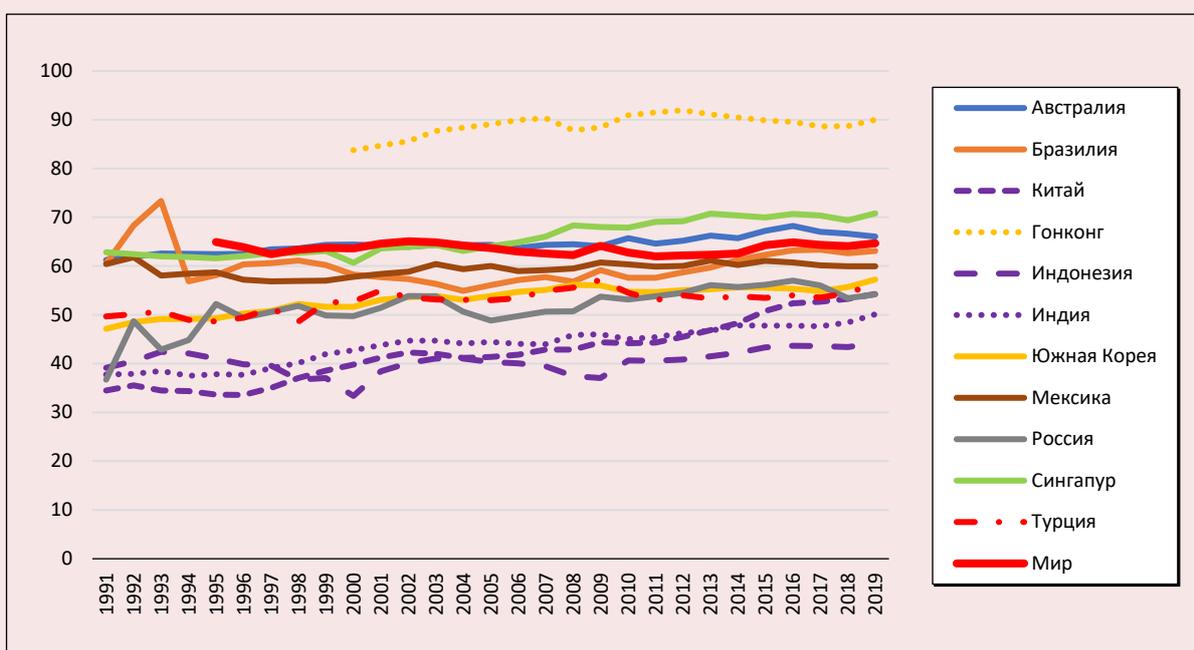
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 14. Доля сферы услуг в ВВП развитых стран

Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Рис. 15. Доля сферы услуг в ВВП развивающихся стран

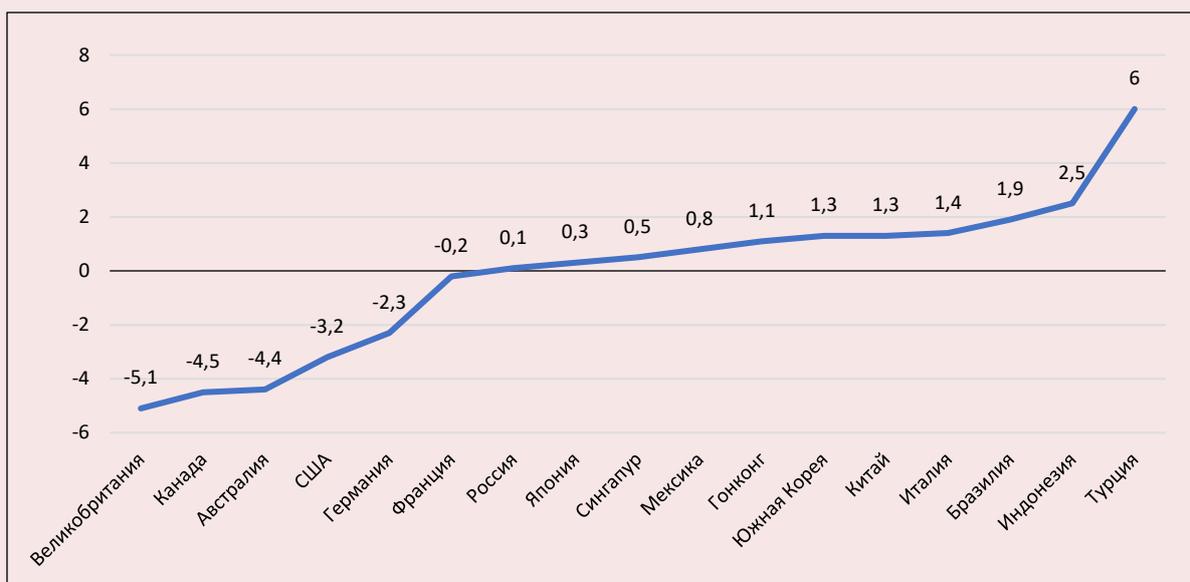
Составлено по: World Bank (<https://data.worldbank.org/>); OECD (<https://data.oecd.org/gdp/gross-domestic-product-gdp.htm>); данные на 2023 год.

Безработица

Согласно данным об уровне безработицы в отдельных странах, в период с 1991 по 2019 год показатель безработицы в Турции увеличился на 6 пунктов, поднявшись с 7,7 до 13,7% (рис. 16).

В мире в целом уровень безработицы увеличился с 1991 по 1999 год и стабилизировался после 2000-х гг. Исключение составляет Турция, уровень безработицы в которой с этого времени начал расти (рис. 17, 18).

Рис. 16. Динамика уровня безработицы в исследуемых странах в 1991 и 2019 гг.

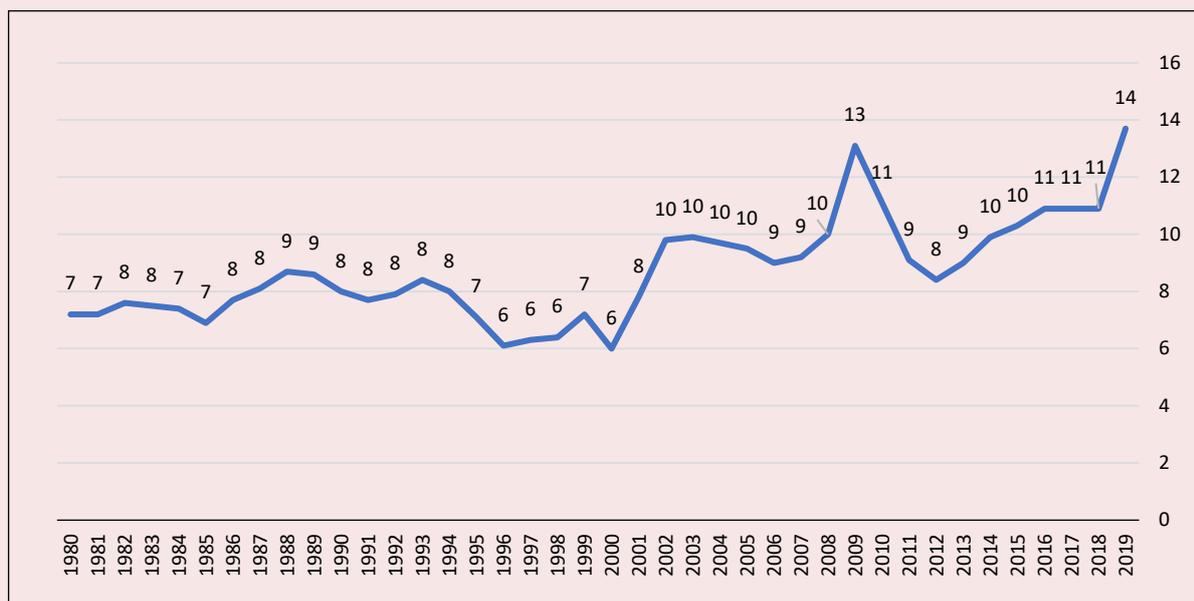
Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); IMF (<https://www imf.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 17. Динамика уровня безработицы в исследуемых странах в отдельные периоды

Составлено по: ILO (<https://ilostat ilo.org/>); IMF (<https://www imf.org/>); данные на 2023 год.

Рис. 18. Динамика уровня безработицы в Турции

Составлено по: TURKSTAT (<https://data.tuik.gov.tr/>); ILO (<https://ilostat.ilo.org/>); IMF (<https://www.imf.org/>); данные на 2023 год.

Можно сказать, что деиндустриализация в Турции была преждевременной и негативной, поскольку привела к значительному сокращению занятости в сельском хозяйстве, снижению занятости в промышленности, стагнации доходов промышленности и прямому переходу от сельского хозяйства к сфере услуг, что вызвало не только экономические проблемы, но и серьезные последствия для городов и общества в целом. Можно утверждать, что предпосылки наметились еще в 1960-е гг., в период индустриализации. Турция пережила две крупные волны миграции из села в город в 1960-е и 1990-е гг. Хотя в 1960-е гг. уже начался период индустриализации, промышленное производство не смогло обеспечить достаточную занятость населения, вынужденного покинуть сельскую местность и мигрировать в города. На заводах была занята лишь часть мигрировавшего населения, основная же его доля распределилась по рабочим местам в сфере услуг, мелком производстве, ремесленничестве или в неформальном секторе, который диверсифицировался по географии производства. Если в 1960 году доля сферы услуг составляла

25,84%, то в начале 1980-х гг. достигла 50%, а в 2019 году — 56,40%. К 1980-м гг. доля сферы услуг уже приблизилась к показателю 2019 года. Таким образом, в период деиндустриализации после 2000 года не произошло расширения сферы услуг для поглощения рабочей силы, ранее задействованной в сельском хозяйстве и промышленности. Поэтому показатели безработицы после 2000 года стали более высокими и она имела более затяжной характер, чем в 1960-е—1980-е гг.

Заключение

Согласно результатам межстрановых сопоставлений можно утверждать, что деиндустриализация имеет различные тенденции в зависимости от политэкономических и геополитико-геоэкономических условий. В ходе работы выявлено, что тенденции деиндустриализации, рассматриваемые с точки зрения их регионального характера в рамках глобальной реструктуризации производства, не демонстрируют радикальных изменений в развитых странах в 1991—2019 гг., в то время как среди развивающихся стран можно выделить три группы с различными тенденциями.

В первой группе стран, к которой относятся Индия, Индонезия и Китай как важные участники процесса переноса деятельности с Запада на Восток, индустриализация шла быстрыми темпами. Ко второй группе относятся Россия, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Австралия, где деиндустриализация осуществлялась в период высокого уровня промышленного развития. В третью группу входят Турция, Бразилия и Мексика, деиндустриализация которых началась в период их промышленного развития.

Турция и страны Латинской Америки отличаются от других развивающихся индустриальных стран тем, что они вступили в процесс деиндустриализации будучи аграрными. В этих государствах тенденции деиндустриализации начали проявляться еще на этапе перехода от аграрного к индустриальному сектору. Иными словами, промышленное производство было прервано. В научных работах эта ситуация коррелирует с утверждениями о преждевременной деиндустриализации и негативной деиндустриализации. Можно сказать, что Турция и Бразилия демонстрируют схожие тенденции в отраслевых переходах, что основано на сходстве модели импортозамещающей индустриализации и проводимой после этого международной валютной политики.

Начиная с 1970-х гг. при проводимой Р. Рейганом и М. Тэтчер политике развитые страны перешли к новой стратегии накопления капитала в слаборазвитых государствах, используя неолиберальную идеологию в условиях кризиса. Это привело к серьезным экономическим и политическим проблемам в Турции и схожих с ней странах, где продолжались поиски путей создания государства всеобщего благосостояния и демократизации, а процесс индустриализации замедлился. Впоследствии быстро начался процесс либерализации и приватизации во внешней торговле и финансах, включая программы международных валютных институтов (Şenses, 2004).

Можно сказать, что условия для деиндустриализации в Турции сформировались в период с 1960-х гг. по 1998 год, но решающую роль в начале деиндустриализации сыграла экономическая политика, проводимая после 2000 года. В условиях давления глобальной торговли и политики экономического роста, основанной на преобразовании городов, характеризующейся принятием краткосрочных, централизованных решений на местном уровне, существует риск, что деиндустриализация станет постоянной, структурной проблемой.

Стагнация добавленной стоимости промышленности без достижения высокого уровня, характерного для развитых экономик, и без начала технологического развития также препятствует появлению новых отраслей и продуктов с высокой добавленной стоимостью. Следует подчеркнуть, что инновации, творчество, развитие технологий, а также необходимые для этого знания и опыт могут развиваться только вместе с производством. Этот порочный круг правительство пыталось разорвать с помощью краткосрочных решений начиная с 1990-х гг. и особенно после 2000 года. Наиболее важными из таких решений стали преобразование городов и увеличение добавленной стоимости в строительстве и смежных отраслях. С другой стороны, в последующие периоды были осуществлены значительные инвестиции в оборонную промышленность и достигнут прогресс в разработке ее продукции. Однако в условиях пандемии и международной политической обстановки после ее окончания относительный рост характеризуется периодичностью. В долгосрочной перспективе реальное структурное экономическое развитие Турции может быть достигнуто только за счет мер экономической политики, которая позволит реализовать существующие динамические преимущества в сельском хозяйстве и в районах промышленного производства с высоким потенциалом.

Литература

- Alderson A.S. (1999). Explaining deindustrialization: Globalization, failure, or success? *American Sociological Review*, 64(5), 701–721. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/2657372.pdf?refreqid=excelsior%3A6b172838fd63edcb812f558ef104b761>
- Amin S. (1991). The ancient world-systems versus the modern capitalist world-system, *Review (Fernand Braudel Center)*, 14(3), 349–385. Available at: https://www.jstor.org/stable/40241188?seq=5#metadata_info_tab_contents

- Amin S. (2018 [1988]). *Avrupa-Merkezcilik, Bir İdeolojinin Eleştirisi*. Yordam Kitap, İstanbul. İlk basım: 1988, Paris.
- Ayık U. (2018). *Ekonomi politikalarının Bir Yansıması Olarak Sanayisizleşme ve Mekânsal Değişim*. Doktora Tezi. İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Coğrafya Anabilim Dalı, Tez Danışmanı: Prof.Dr. Sedat Avcı. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/332268649>
- Ayık U., Avcı S. (2018). Ekonomik ve Mekânsal Boyutlarıyla Sanayisizleşme, *TÜCAUM 30. Yıl Uluslararası Coğrafya Sempozyumu Kitabı*, 1276–1288. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/330688312>
- Bakır E., Özçelik E., Özmen E., Taşiran A.C. (2019). Türkiye’de Erken Sanayisizleşme. *Geçmişten Geleceğe Türkiye Ekonomisi; Fikret Şenses’e Armağan* içinde, Derleyenler: Murat Koyuncu, Hakan Mihçı, A. Erinç Yeldan, İletişim Yayınları, İstanbul. İlk basım.
- Baycan-Levent T. (2005). Globalization and development strategies for Istanbul: Regional policies and great urban transformation projects. In: la Greca P. (Ed.). *Planning in a More Globalized and Competitive World*. ISOCARP.
- Bluestone B. (1984). Is deindustrialization a myth? Capital mobility versus absorptive capacity in the U.S. economy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Deindustrialization: Restructuring the Economy*, 475, 39–51. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/1043546.pdf?refreqid=excelsior%3A0e6ef85328737ab66d75fdebc8d03b75>
- Braudel F. (2017[1949]). *AKDENİZ; II. Felipe Döneminde Akdeniz ve Akdeniz Dünyası I*. Çeviren: Mehmet Ali Kılıçbay, Doğubay Yayınları, 2017 Ankara. İlk basım 1949, Paris.
- Clark C. (1940). *The Conditions of Economic Progress*. London: Macmillan. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.223779>
- Dasgupta S., Singh A. (2006). *Manufacturing, Services and Premature Deindustrialization in Developing Countries; A Kaldorian Analysis*. Available at: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/rp2006-49.pdf>
- Doğruel A.S, Doğruel F. (2018). Two phases of deindustrialization policies in Istanbul “İstanbul’da Sanayisizleşme Politikalarının İki Safhası”, *Marmara İktisat Dergisi. Journal of Research in Economics*, 2(2), 186–201. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/594432>
- Doğruel A.S., Doğruel F. (2019). Küreselleşme, Unutulan Sanayi Politikaları ve Sanayisizleşme. *Çalışma ve Toplum Dergisi*, 1, 209–230. Available at: <https://www.calismatoplum.org/makale/kuresellesme-unutulan-sanayi-politikalarive-sanayisizlesme>
- Ficher A.G.B. (1939). *Production, Primary, Secondary and Tertiary*. Available at: [HTTPS://ONLINELIBRARY.WILEY.COM/DOI/FULL/10.1111/J.1475-4932.1939.TB01015.X](https://ONLINELIBRARY.WILEY.COM/DOI/FULL/10.1111/J.1475-4932.1939.TB01015.X)
- Frank A.G. (2010 [1998]). *Yeniden Doğu; Asya Çağında Küresel Ekonomi*. Çeviren: Kâmil Kurtul, İmge Kitabevi, İstanbul. İlk basım: 1998, University of California Press.
- Kaldor N. (1966). *Causes of the Slow Rate of Economic Growth of the United Kingdom*. Cambridge University Press. Available at: <https://dokumen.pub/causes-of-the-slow-rate-of-economic-growth-of-the-united-kingdom-an-inaugural-lecture.html>
- Kepenek Y. (1999). *Türkiye’nin 1980 Sonrası Sanayileşme Süreci*. 75 yılda Çarklardan ‘Chip’lere içinde. Tarih Vakf Yayınları, İstanbul, Sf. 229-240.
- Keyder Ç. (2014). İkinci bölüm; İstanbul’da Emek ve Ekonomi Sunuş yazısı. *Yeni İstanbul Çalışmaları; Sınırlar, Mücadeleler, Açılımlar*. Hazırlayanlar: Ayfer Bartu Candan, Cenk Özbay, Metis Yayınları, 1. Basım, İstanbul.
- Kollmeyer C. (2009a). Explaining deindustrialization: How affluence, productivity growth, and globalization diminish manufacturing employment, *American Journal of Sociology*, 114(6), May, 1644–1674. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/10.1086/597176.pdf?refreqid=excelsior%3A376542acf3937ffb3ad08737029db525>
- Kollmeyer C. (2009b). Consequences of North-South trade for affluent countries: A new application of unequal exchange theory. *Review of International Political Economy*, 16(5), December, 803–826. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/27756195.pdf?refreqid=excelsior%3A7f14ae982a99664bdc020f19b26fde40>
- Kolsuz G., Yeldan A.E. (2014). 1980 Sonrası Türkiye Ekonomisinde Büyümenin Kaynaklarının Ayrıştırılması. *Çalışma ve Toplum*, 1, 49–66. Available at: <http://calismatoplum.org/sayi40/kolsuz.pdf>
- Kornev A. (2022). How the Russian economy can grow based on its reindustrialization. *Russian Social Science Review*, 63(1–3), 80–97. Available at: <https://doi.org/10.1080/10611428.2022.2111174>
- Köse Z., Dineri E. (2020). Sanayisizleşmeyi Etkileyen Faktörler Üzerine Bir İnceleme: Türkiye Örneği. *Dicle Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, 10(20), 579–597. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/346563131>

- Krugman P. (1988). *Deindustrialization, Reindustrialization, and the Real Exchange Rate, Working Paper No. 2586*. Cambridge, MA. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w2586/w2586.pdf
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *The Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499. Available at: https://pr.princeton.edu/pictures/g-k/krugman/krugman-increasing_returns_1991.pdf (accessed: November 2, 2022).
- Kurşuncu H. (2016). *Türkiye’de Sanayi Sektöründe Yaşanan Dönüşümlerin İstanbul Kentinde Farklı Ortaya Çıkış Biçimleri*. İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Siyaset Bilimi ve Kamu Yönetimi Anabilimdalı, Tez Danışmanı: Prof.Dr. Hatice Kurtuluş. Available at: <https://www.eskop.com/images/UserFiles/Documents/Editor/sanayisizles%CC%A7me.pdf>
- Kuznets S.S. (1973). Modern economic growth: Findings and reflections. *The American Economic Review*, 63(3), 247–258. Available at: <http://www.piketty.pse.ens.fr/files/Kuznets1973.pdf>
- Lorenzi J.H., Berrebi M. (2016). Chapter 4: The impact of deindustrialization. In: *A Violent World. Modern Threats to Economic Stability*. Palgrave Macmillan. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-137-58993-4.pdf>
- Marshall A. (1890). *Principles of Economics*. Available at: <https://eet.pixel-online.org/files/etranslation/original/Marshall,%20Principles%20of%20Economics.pdf>
- Meçik O., Aytun U. (2018). Türkiye ekonomisinde erken sanayisizleşmeye bölgesel bir yaklaşım. *ODTÜ Gelişme Dergisi*, 45, 59–81. Available at: <https://open.metu.edu.tr/bitstream/handle/11511/58152/980-6118-1-PB.pdf>
- Öz S. (2018). Dünyada ve Türkiye’de Sanayisizleşme. *EAF Ekonomik Araştırma Forumu*, Araştırma Notu 18–03. Available at: https://eaf.ku.edu.tr/wp-content/uploads/2019/06/eaf_an1803.pdf
- Prebisch R. (1950). *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. Available at: <http://archivo.cepal.org/pdfs/cdPrebisch/002.pdf>
- Rodrik D. (2016). Premature deindustrialization. *Journal of Economic Growth*, 21, 1–33. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs10887-015-9122-3.pdf>
- Rostow W.W. (1959). The stages of economic growth. *The Economic History Review*, 12(1), 1–16. Available at: https://www.ufjf.br/oliveira_junior/files/2009/06/rostow.pdf
- Rowthorn R. Wells J. (1987). *De-Industrialization and Foreign Trade*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rowthorn R., Ramaswamy R. (1997). Deindustrialization – its causes and implications. *International Monetary Fund, Economic Issues*, 10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228288050_Deindustrialization_Its_Causes_and_Implications
- Ryazanov V. (2018). Turn to new industrialization: The world economy and Russia. In: *Proceedings of the Third International Economic Symposium*. DOI: 10.2991/ies-18.2019.5. Available at: <https://www.atlantispress.com/proceedings/ies-18/125924746>
- Şenses F. (2004). Neoliberal Küreselleşme Kalkınma için Bir Fırsat mı, Engel mi? *Middle East Technical University ERC Working Paper in Economic*, 4(9), 1–27. Available at: <https://erc.metu.edu.tr/en/system/files/menu/series04/0409.pdf>
- Şıklar I., Tonus O. (2007). Is it possible to deindustrialize before industrialization? The Turkish case. *Economicky Caposis*, 55(6), 594–611. Available at: <https://earsiv.anadolu.edu.tr/xmlui/handle/11421/18860>
- Yanıkaya H., Altun A., Tat P. (2019). Openness and deindustrialization: A Turkish case. *Bogazici Journal*, 33(2), 140–164. Available at: http://www.bujournal.boun.edu.tr/_uploads/33_2_4.pdf
- Yeldan E. (2006). *Küreselleşme Sürecinde Türkiye Ekonomisi; Bölüşüm, Birikim ve Büyüme*. İletişim Yayınları, İstanbul. İlk basım 2001.
- Yeldan E. (2011). Neoliberalizmin İdeolojik Bir Söylemi Olarak Küreselleşme. *İktisat Üzerine Yazılar I Küresel Düzen: Birikim, Devlet ve Sınıflar, Korkut Boratav’a Armağan içinde*, Derleyenler: A.H. Köse, F. Şenses, E. Yeldan, İletişim Yayınları, 429–453. İlk basım 2003.
- Yeldan E., Yıldırım D. (2015). Küreselleşme ve Sanayisizleşme Bağlamında Türkiye’de ve Dünyada Demokrasi Açığı. *Çalışma ve Toplum Dergisi*, 2, 65–87.
- Yücebaşı E. (2014). *Yeni Bölgeselleşme Paradigması ve Sanayisizleşme: İzmir Örneği*. Doktora Tezi. Dokuz Eylül Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Kamu Yönetimi Anabilim Dalı, Kamu Yönetimi Programı, Tez Danışmanı: Yrd. Doç. Dr. Şermin Atak. Available at: https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/tezDetay.jsp?id=BLdcFtILoyc4-uo3Xe_leA&no=S4xDYm8FpZpHu9UrAkuz8g
- Zuenko I. (2020). Russia–China cooperation: A view from the region. *Russian Politics & Law*. Available at: <https://doi.org/10.1080/10611940.2020.1835069>

Сведения об авторах

Айсу Узсайылыр – соискатель степени PhD, социолог, научный сотрудник, Стамбульский технический университет (Турция, 34437, г. Стамбул, Таксим, район Шишли, кампус Ташкышла; e-mail: aysukara@itu.edu.tr)

Тюзин Байджан – PhD, профессор, Стамбульский технический университет (Турция, 34437, г. Стамбул, Таксим, район Шишли, кампус Ташкышла; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Uzsayılır A., Baycan T.

Analysis of Deindustrialization Trends in Türkiye from an International Comparative Perspective

Abstract. In this study, deindustrialization was examined within the international political economy approach, and comparative analyzes were made to explain the deindustrialization trends in selected countries, especially in Türkiye. According to the results, deindustrialization, as a developed country phenomenon that started to decline at the peak of industrial productivity and caused an increase in the service sector, spread to developing countries mainly after the 1990s, with the global restructuring of labor through the neoliberalism. It has created an effect of industrialization in some of the developing economies and deindustrialization in others. It can be argued that the global effects of deindustrialization in developing countries are closely related to the economic policies of the nations before they entered the deindustrialization process. For example, Türkiye's main distinguishing aspect is the rapid transition from import substitution policies to a free market economy, while industrial development is still ongoing. As a result, it can be argued that Türkiye entered the process of premature deindustrialization in employment in terms of a direct transition from agriculture to the service sector and the inability of the service sector to absorb the labor force emerging from agriculture and industry, but this is a non-structural phase that can be overcome with alternative socioeconomic and spatial planning.

Key words: deindustrialization, globalization, political economy, comparative analyzes.

Information about the Authors

Aysu Uzsayılır – PhD student in Urban and Regional Planning, Sociologist/Academician, Istanbul Technical University (34437, Taskisla, Taksim, Sisli, Istanbul, Türkiye; e-mail: aysukara@itu.edu.tr)

Tüzin Baycan – PhD in Urban and Regional Planning, Professor, Istanbul Technical University (34437, Taskisla, Taksim, Sisli, Istanbul, Türkiye; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Статья поступила 27.04.2023.